



Информация для цитирования:

Аблажей Н. Н. Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927—1931 годы) / Н. Н. Аблажей, А. С. Жанбосинова, Е. Е. Сайлаубай // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 180—202. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-180-202.

Ablazhey, N. N., Zhanbossinova, A. S., Sailaubay, E. E. (2023). Rumors and Conversations in Kazakh Village (Aul) on Eve of Famine (1927—1931). *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 180-202. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-180-202. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-180-202

Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927—1931 годы)

Аблажей Наталья Николаевна¹
orcid.org/0000-0002-3215-0615
доктор исторических наук
ablazhey@academ.org

Жанбосинова Альбина Советовна*²
orcid.org/0000-0003-4541-4154
доктор исторических наук, профессор
* *корреспондирующий автор*
sovetuk@rambler.ru

Сайлаубай Ерлан Ерназарович²
orcid.org/0000-0003-1622-2997
кандидат исторических наук
alashorda100@mail.ru

¹Новосибирский
государственный университет
(Новосибирск, Россия)

²Евразийский национальный
университет имени Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
проекта по гранту Комитета науки
Министерства высшего образования
и науки Республики Казахстан ИРН
AP14869309.

Rumors and Conversations in Kazakh Village (Aul) on Eve of Famine (1927—1931)

Natalya N. Ablazhey¹
orcid.org/0000-0002-3215-0615
Doctor of History
ablazhey@academ.org

Albina S. Zhanbossinova*²
https://orcid.org/0000-0003-4541-4154
Doctor of History, Professor
* *Corresponding author*
sovetuk@rambler.ru

Erlan E. Sailaubay²
orcid.org/0000-0003-1622-2997
PhD in History
alashorda100@mail.ru

¹Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russia)

²L. N. Gumilyov Eurasian
National University
(Astana, Kazakhstan)

Acknowledgments:

The research was carried out as part
of a project under a grant from the Science
Committee of the Ministry of Higher
Education and Science of the Republic
of Kazakhstan IRN AP14869309

Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С., Сайлаубай Е. Е., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется социальный феномен «слухи и разговоры» в казахском ауле на рубеже 1920—1930-х годов. Подчеркивается, что слухи являются неотъемлемой частью жизни традиционного общества. Утверждается, что масштабный всплеск слухов в Советской России стал свидетельством реакции традиционного общества на силовую модернизацию. Цель статьи — показать дихотомию содержания и формы слухов периода коллективизации применительно к казахскому аулу. Отмечается, что важнейшим источником для изучения настроений населения СССР в 1920 — начале 1930-х годов, нашедших отражение в слухах, являются аналитические материалы ОГПУ. Показано, что ускоренная советизация породила высокий уровень тревоги в казахском обществе, получившей отражение в подъеме апокалиптических настроений и актуализации мифологии. Авторы приходят к выводу, согласно которому идея киямата выступила формой глубинного протеста аула, не являясь при этом идеологией сопротивления. Представлена форма активного сопротивления в республике в виде массовых откочевок в Китай, что было обусловлено желанием «переждать» нестабильные времена, поэтому слухи об откочевках широко циркулировали в приграничье. Подчеркивается, что слухи являлись альтернативным взглядом на советскую действительность, они тормозили разрушение аула как сельской общины и обеспечивали устойчивость традиционного общества.

Ключевые слова:

слухи; коллективизация; традиционное кочевое общество; аул.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The social phenomenon of “rumors and gossip” in a Kazakh village during the 1920s-1930s is analyzed in this study. It is emphasized that rumors are an integral part of traditional society. It is asserted that the massive surge of rumors in Soviet Russia was a reaction of traditional society to forceful modernization. The goal of the article is to demonstrate the dichotomy of the content and form of rumors during the collectivization period in relation to the Kazakh village (aul). It is noted that the analytical materials of the OGPU are the most important source for studying the mood of the population of the USSR in the 1920s — early 1930s, which found reflection in rumors. It is shown that accelerated Sovietization generated a high level of anxiety in Kazakh society, reflected in the rise of apocalyptic moods and the actualization of mythology. The authors conclude that the idea of kiyamat was a form of deep protest of the village (aul), not an ideology of resistance. The form of active resistance in the republic is presented as mass migrations to China, which was due to the desire to “wait out” unstable times, so rumors about migrations were widely circulated in the borderlands. It is emphasized that rumors were an alternative view of Soviet reality, they slowed down the destruction of the village (aul) as a rural community and ensured the stability of traditional society.

Key words:

rumors; collectivization; traditional nomadic society; Kazakh village (aul).



Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927—1931 годы)

© Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С., Сайлаубай Е. Е., 2023

1. Введение = Introduction

Слухи являются неотъемлемой частью жизни традиционного общества. Считается, что значимость слухов резко возрастает в переходные и переломные периоды истории. В СССР всплеск активности слухов был зафиксирован на рубеже 1920—1930-х годов, что стало свидетельством реакции общества на силовую модернизацию. Внимание исследователей к проблематике слухов периода коллективизации в значительной степени обусловлено интересом к анализу социальной психологии советского общества, а также менталитета крестьянства и адаптационных стратегий сельского населения. Крупнейшие специалисты по истории советского общества периода модернизации Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2001, с. 13—14] и Л. Виола [Виола, 2010, с. 62—63] предложили и обосновали подход, интерпретирующий советский вариант раскрестьянивания как «квазигражданскую войну», необъявленную войну государства с крестьянством, в условиях которой роль слухов оказалась двойной. С одной стороны, они оставались «голосом деревни» и «культурным мостом» к пониманию крестьянского мира, а с другой — выполняли функцию альтернативного источника информации, «контр-идеологии» и «контр-пропаганды». Проведенный Л. Виолой анализ циркулировавших в СССР слухов позволил редуцировать их до пяти базовых типов, а именно: о приходе Антихриста; божьей каре; неизбежности войны; безбожности и аморальности коммунистов; новом крепостничестве в варианте колхозов. Доминирование в структуре слухов апокалиптической тематики позволило сделать вывод о наличии глубинных форм народного сопротивления. Если восстания и бунты выступали формой публичного протеста против коллективизации, то распространение слухов стало главным рупором оппозиционно настроенного общества. Понимая это, государство старалось максимально локализовать и ограничить хождение слухов с целью снижения их протестного потенциала.

Большинство исследователей, выходящих на проблему социальной истории и истории повседневности, ограничиваются фиксацией слухов и сведений об их циркуляции. Тем не менее в историографии сложилось два



направления, ориентированных на изучение слухов [Гайлит, 2018]. В фокусе первого — слухи как особая социокультурная и коммуникативная практика, в том числе их атрибутивные характеристики, функции, механизмы зарождения и циркуляции [Слухи..., 2011]. В рамках второго подхода слухи анализируются в плане изучения повседневности и культурных кодов, что подразумевает акцент на анализе структуры и содержания [Слухи..., 2010]. Широкие возможности объяснительных схем при изучении слухов периода коллективизации позволяют выявить фольклорно-мифологические модели [Петрова, 2018]. Исследователи анализируют слухи в плане интерпретации и применительно к анализу особенностей организации коммуникации. Наш исследовательский интерес к феномену слухов сосредоточен на изучении соотношения содержания и формы, то есть на выяснении того, в какой степени при универсальном содержании слухов в них отражалась этническая и религиозная специфика.

Цель статьи — выявить дихотомию содержания и формы слухов периода коллективизации применительно к казахскому аулу. Тема советизации казахского социума в последние десятилетия обсуждалась в ряде исследований [Pianciola, 2007; Огайон, 2009; Payne, 2011; Ohayon, 2013; Kindler, 2014; Cameron, 2018; Абылхожин, 2022 и др.], затрагивающих проблему насильственной седентаризации кочевников. По их мнению, следствием ускоренной советизации аула, прежде всего коллективизации, стал Ашаршылык — масштабный голод. Тем не менее, несмотря на огромное количество источников, касающихся циркуляции слухов в казахском ауле, данная тема исследована крайне фрагментарно.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Важнейшим источником для изучения настроений населения СССР в 1920 — начале 1930-х годов являются аналитические материалы ОГПУ. Начиная с 1990-х годов историки используют обзоры и спецсводки ведомства для анализа внутренней ситуации в стране на тот период. Вопрос о достоверности данного источника актуален в связи с тем, что подобные материалы задают определенный угол зрения на ситуацию в стране и настроения в обществе, квалифицируя их с позиции спецслужб. Несмотря на широкое использование обзоров и спецсводок ОГПУ как источника в целом, региональные комплексы остаются малоизученными. Введение в научный оборот материалов региональных информационных отделов (далее — ИНФО) ОГПУ позволяет использовать массив аналитической информации, который шел из регионов в Центр, и тем самым оценить реакцию населения разных регионов страны на мероприятия центральной власти. Значительный комплекс материалов ИНФО ОГПУ Казахской



АССР отложился в Специальном государственном архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее — СГА КНБ РК). Общий объем вводимых авторами в научный оборот аналитических материалов ИНФО ОГПУ за 1927—1932 годы составил 81 документ.

ОГПУ формировало информационные сводки с 1922 по 1931—1932 годы. В 1931 году в связи с очередной реорганизацией ведомства информационные службы были включены в секретно-политические отделы, что привело к радикальной трансформации их деятельности. Кроме того, чуть ранее, в 1929—1930 годы, в ряде региональных Полномочных представительств (далее — ПП) ОГПУ с целью оптимизации структуры информационные отделы были трансформированы в учетно-осведомительные. Интересующие нас материалы можно разделить на два больших комплекса: «Политические обзоры» и спецсводки разного типа. Специфика работы информационных отделов, в том числе организация делопроизводства, лишь частично освещены в работах специалистов [Тепляков, 2010; Тепляков, 2018] и во введениях к сборникам документов [Советская..., 2003.; Совершенно..., 2001—2008]. Фактически информационные отделы, с одной стороны, отслеживали настроения в обществе, с другой — выполняли функции цензуры в отношении всей корреспонденции, обращавшейся внутри СССР, а также массовых мероприятий. Главное внимание в материалах отделов уделялось политической оппозиции, протестному движению и оценкам политики власти населением.

Документы формировались в информационно-агентурных отделениях секретно-оперативной части на основе материалов, поступавших от внутренней и внешней осведомительной сети. Внешняя сеть формировалась из представителей разных социальных слоев, что создавало возможность судить об обществе в целом. Пирамидальный характер собираемой спецслужбами информации был призван представить максимально полную картину положения в стране, не только в целом, но также в территориальном и временном разрезе. Тем не менее это взгляд на общество «сверху». В конце 1920-х годов характер аналитических и справочно-информационных материалов ОГПУ меняется, резко возрастает количество тематических спецсообщений (спецсводок, справок, оперсводок и пр.), существенно уступающих по объему «обзорам». Их лейтмотивом становится «чрезвычайщина», интерпретация происходящего в стране в качестве нового витка классовой борьбы. В этом плане материалы ИНФО ОГПУ наглядно демонстрируют смену приоритетов власти.

В рамках нашего исследования интерес представляют материалы по КАССР, которые готовил информационный отдел при республиканском полпредстве ОГПУ. Напомним, что формирование губернских и окруж-

ных органов безопасности на территории Казахстана началось в 1918 году Киргизская (Казакская) автономия (далее — КАССР) была учреждена в 1920 году, однако ПП ОГПУ по КАССР было создано только в 1922 году. Территориально оно располагалось в Оренбурге, потом в Ак-Мечети (Кзыл-Орда), а с 1925 года в Алма-Ате. Информационный отдел секретно-оперативного управления ПП ОГПУ в период 1925—1931 годов систематически готовил аналитическую информацию для Москвы [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 236, л. 17—18] в виде «Обзоров полит-экономического состояния Казакской АССР», материалы из которого отдельным блоком включались в многостраничный «Обзор политического состояния СССР». Рассылка обзоров ИНФО ОГПУ КАССР шла по 33 адресам, первые экземпляры предназначались для ИНФО ОГПУ и Восточного отдела ОГПУ СССР, после которых в списке рассылки значились партийные и советские органы КАССР. Уже этот факт дает основания утверждать, что сводки предназначались в первую очередь для Центра, а не для региональной власти.

Структура «Обзоров» ИНФО ОГПУ КАССР была типовой и включала два больших блока: первый — аналитический, второй — приложения. Внутри первого раздела выделялись подрубрики, совокупность которых позволяла представить ситуацию в целом (аграрное производство, промышленность, транспорт, госаппарат и пр.). Особо следует отметить, что в «Обзорах» по Казахстану ввиду неоднородности аграрного населения анализ ситуации в казахских аулах размещался самостоятельным блоком, русская деревня и казачьи станицы характеризовались отдельно. Второй раздел «Обзора» включал приложения: делопроизводственные материалы, письма и заявления во власть, подпольные листовки и воззвания, информационные подборки слухов на разные темы, выдержки из неофициальных разговоров различных групп населения, сформированные на основе материалов секретного (духовенство и советско-партийный аппарат); контрразведывательного (бандитизм) и транспортного (железнодорожные рабочие) отделов. Именно этот блок материалов представляет особую ценность для нашего исследования.

Помимо вышеуказанных документов, рассмотрено содержание «Докладных записок», «Спецсводок», «Спецсообщений» секретно-политического отдела, «Отчетов» контрразведывательного отдела, а также «Докладов...» и «Материалов...» губернских отделов ОГПУ КАССР за 1927—1932 годы. В отличие от «Обзоров...» отмеченные источники не имеют ярко выраженной хронологической и тематической направленности. Их содержание освещало настроения и муссируемые слухи в тот или иной период. Что касается спецсводок, то они представлены преимущественно материалами оперативного характера. Подобные материалы готовились по запросам и отправлялись на адрес персонального получателя. Большин-

ство спецводок отражают ситуацию со снабжением городов и ход коллективизации. Особый интерес в рамках нашего исследования представляют докладные записки ИНФО ОГПУ КАССР о распространении материалов антисоветского характера, в частности листовок, в приложении к которым имеются справки-меморандумы на лиц, подозреваемых в их распространении [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 257, л. 68]. В целом практически любая негативная реакция населения на политику власти квалифицировалась органами как «провокационная» и «антисоветская».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Война будет с Востока»: слухи о войне и мобилизации

Для советского общества ожидание новой войны было характерно на всем протяжении 1920-х годов, период 1927—1929 годов в СССР многие специалисты квалифицируют как годы повышенной «военной тревоги» [Лившин, 2015, с. 190—206]. Кризис англо-советских отношений 1927 года, закончившийся разрывом дипломатических отношений с Великобританией, был обусловлен военно-политическим участием СССР в революционной ситуации в Китае. В июне 1927 года ЦК ВКП(б) призвал население страны готовиться к войне [Объединенный..., 2020, с. 5]. (Между тем дипломатические отношения двух стран были восстановлены достаточно быстро, уже в 1929 году). Страхи по поводу войны особенно усиливали пограничные инциденты. Советско-китайский конфликт на КВЖД в 1929 году, в ходе которого СССР ввел войска на сопредельную территорию, вновь резко обострил международную обстановку.

Настроения в обществе в связи с возможной войной опирались на страх перед ней. На этом фоне любые слухи о войне однозначно квалифицировались властью как «пораженческие». С другой стороны, кто-то ожидал ее как «избавления», она воспринималась как необходимость, потому что если она будет, то можно ожидать смены существующего строя: «война необходима для свержения советской власти» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 195, л. 13]. В качестве главной причины грядущей войны называлось недовольство советским строем со стороны западных стран: «...Советы будут уничтожены т. к. эту власть ненавидят иностранные правительства» [Там же, ф. 9, оп. 1, д. 473, л. 11]. Не исключалось восстановление монархии: «царь Николай имеет много наследников и своих сторонников — Михаила и др. Всем им помогает Англия, Румыния. Они не успокоятся до тех пор, пока кого-нибудь не посадят на престол» [Там же]; «Москва взята белыми. Великий князь Михаил Романов назначен президентом...» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 436, л. 39]. Отсылка к мотиву «царя-избавителя» широко циркулировала среди населения, но для населения Центральной

Азии в качестве спасителя-правителя (эмира, хана), избавляющего народ от советской власти, чаще все-таки упоминался один из активных лидеров басмаческого движения, последний правитель государства Хорезм, эмигрировавший в Афганистан, Джунаид-хан: «...в Средней Азии будет властвовать Джунаид хан» [Там же, л. 40] «и скоро будет нужно встречать новое правительство» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 463, л. 215].

Одновременно панические настроения по поводу войны в значительной степени подпитывались государственной пропагандой, которая акцентировала внимание на военной тематике. Англия рассматривалась как самый вероятный противник СССР. Население в основном разделяло мнение о неизбежности войны, хотя деревня была менее воинственно настроена, чем город. Англичан ждали с китайской территории: «...английские войска идут через Китай» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 433, л. 41]. Ожидалось, что следствием масштабной войны с Англией станет передел границ: «Афганистан скоро возьмет под свое владение весь Туркестан, а Китай — Киргизскую и Казахскую республики» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 473, л. 11]. Подобные геополитические прогнозы активно муссировались в связи со слухами о якобы созданном в Синьцзяне «своем, казахском управлении» и «национальных военных силах», которые «смогут устоять против советской власти» [Там же, д. 503, л. 169]. Муссировались слухи, что известные политико-религиозные лидеры казахов якобы обратились за помощью к Англии и Китаю, чтобы те освободили Казахстан, и уже прошел сбор подписей «от казахского народа о желании отторгнуться от Советского Союза» [Там же, д. 473, л. 7]. Большие надежды возлагались частью населения на зарубежных повстанцев (басмачество), которые активизировались с конца 1920-х годов. Типичные примеры слухов: «война на границе», «в Средней Азии бои, массу раненых из Ташкента везут в центр России», «приграничные города взяты», «по городам СССР поднимаются белые флаги» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 436, л. 39.; СГА ДП г. Алматы, ф. 5, оп. 1, д. 436, л. 39]. В то же время высказывались опасения, что капиталисты и белые «не смогут свергнуть советскую власть», потому что «власть сильна» и «уже пробовали, но не получилось» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 450, л. 35].

Широкое хождение имели слухи, что большевики воевать не будут и «откупятся от войны», пожертвовав частью территорий или заплатив большую контрибуцию. «Лучше отдать часть России капиталистам, но не проливать напрасно кровь, ведь советской власти воевать будет нечем, во-первых, она нищая, а во-вторых, имеет мало оружия» [Там же, л. 43]. Опасались, что если война будет, то власть «все у народа заберет». Убежденность же в невозможности войны во многом основывалось на том, что «народ сам с голоду вымрет».

Особые страхи среди населения вызывала мобилизация. Для казахов тема мобилизации ассоциировалась с Первой мировой войной и восстанием 1916 года. Ходили слухи, что большевики «всеми силами стараются начать войну и хотят мобилизовать...» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 436, л. 40], мобилизация уже объявлена или будет объявлена в ближайшее время. Назывались даже конкретные даты ее начала: «с 1 августа [1927] будет мобилизация казахского населения» [Там же, д. 430, л. 40]. Антивоенные настроения зачастую перерастали в антирусские: «наш народ будет в солдаты браться» [Там же, д. 437, л. 37], их «погонят на фронт, а русские будут выбивать оставшихся казахов» [Там же].

Слухи о том, что «уже идет война с Англией», началась «отправка на передовую», где «идет непрерывная бойня» и поэтому «всех перебьют» [ЦГА РК, ф. 5с, оп. 20рсч, д. 87, л. 176—177], усиливали панические настроения в семьях призывников. На практике казахов начали призывать в Красную армию только с осени 1928 года, планировалось создание казахских национальных воинских формирований. Введение воинской обязанности потребовало создания системы учета, с этой целью волостным исполкомам и аулсоветам предписывалось предоставить списки лиц призывного возраста. Во время призывных кампаний среди казахов широко практиковалось укрывательство призывников. Байство, распространяя слухи о скорой войне и мобилизации, запугивало бедноту тем, что первыми будут призваны в армию члены союза «Кошчи», объединявшего наиболее активную часть центрально-азиатских дехкан, что спровоцировало отток из организации значительной части бедняцко-средняцких казахских хозяйств [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 434, л. 46]. Проведение по инициативе региональных военных комиссариатов краткосрочных учебных сборов или мобилизация казахов на тыловые строительные работы вызывали, как правило, рост нелегальной эмиграции в Китай [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 164].

3.2. Заготовительные кризисы, конфискации и выселки

Реакцией населения на ожидание скорой войны стали заготовительные кризисы. По всей стране крестьяне не торопились отдавать хлеб государству, поскольку считали, что для большевиков «пришла их последняя весна» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 200, л. 37]. В свою очередь именно кризисы в области заготовок стали главной причиной резкой смены политики в аграрном секторе экономики в конце 1920-х годов, выразившейся в устранении мелкоотварного производства и переходе к сплошной коллективизации.

Всплеск разговоров про завышенные налоги по хлебу и мясу был зафиксирован в Казахстане в 1928 году. Население было убеждено, что власть повышает налоги в связи с будущей войной: «хлеб отбирает для обеспечения своих войск» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 473, л. 6], «для го-



родов» и чтобы «откупиться деньгами от Англии» [Там же, д. 324, л. 54]. Одновременно широко бытовало мнение, что «коммунисты думают удирать и поэтому придумывают самообложения» [Там же, л. 55]. Так или иначе, но народ осознавал, что власть нуждается в деньгах и единственным способом их получить будет дальнейшее увеличение налогов и проведение конфискации у крестьян и скотоводов.

Советская власть «не поднимает сельское хозяйство, а разоряет... при царе жилось лучше, налоги были небольшие...» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 428, л. 5]. Основным лейтмотивом всех разговоров про налоги было «не выполнять план» и «не сдавать все». Казахи были убеждены, что с каждым годом «налоги будут тяжелее» и скоро они будут такими, что содержать скот станет совсем невыгодно, «оставлять будут совсем мало», а потом и «вовсе все заберут». В качестве альтернатив принудительной сдаче тиражировались приемы: «заранее продать часть скота, потому что его все равно отберут» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 326, л. 13]; «скот надо резать» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 324, л. 53] или «пожертвовать Богу» [Там же, д. 451, л. 19]. Однако налоговая политика большевиков преимущественно провоцировала среди казахов разговоры об «уходе в Китай». Казахи, жившие в приграничье, длительное время фактически были двоеданцами Российской и Китайской империй, поэтому откочевки воспринимались как эффективное средство «уйти от налогов».

В связи с налогами возникали разговоры и про Сибирь. Ввиду того что процесс разграничения между Казахстаном и Сибирью еще не был завершен, жители Бастык-Туской волости Акмолинской губернии в августе 1928 года ратовали за включение волости в состав Сибирского края, обосновывая это более низкими налогами [Там же, д. 324, л. 31]. Однако властями Сибири, как, впрочем, и Казахстана, был опробован метод заготовок, основанный на дифференциации налога в соответствии с «классовым подходом», ставший известным на всю страну как «урало-сибирский».

В разговорах утверждалось, что советская власть хочет полностью ограбить кочевников [Там же, д. 443, л. 23]. Правительство казахов «не считает за людей...», и его не интересует, что «казахи живут плохо». Даже конфискация скота у баев, проведенная в 1928 году, в ходе которой 150 тыс. голов скота и имущество было распределено между 25 тысячами бедняцких и батрацких хозяйств [Очерки..., 2022, с. 45], не вызвала однозначной поддержки населения. «Советская власть начинает грабить зажиточных, хлеб отобрали, теперь скот и передает его бедноте, этим самым хочет бедноту привлечь на свою сторону. Советская власть чувствует опасность, поэтому стремится угодить бедноте, чтобы последняя ее защищала, если бы не было опасности, она бы так не поступала» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1,



д. 451, л. 20]. Нередко казахи уверяли, что «баев у них нет», а «конфискации затронут тех, у кого в данном ауле больше скота...» [Там же, л. 7]. До коллективизации в республике 90 % всей продукции сельского хозяйства производилось в индивидуальном секторе [Дахшлейгер, 1985, с. 168], поэтому рост налогов привел к катастрофическим последствиям. Согласно тем же отчетам ОГПУ, за пять лет, с 1929 по 1933 годы, поголовье скота сократилось почти на 91 %, а по группе кочевых и полукочевых районов — на 94—95 % [Трагедия..., 2000, с. 811—812]. Люди говорили: «...скота не жалко, лишь бы самим остаться в живых, а то есть слухи о том, что всех баев заберут, куда-то угонят и там перебьют, а поэтому приходится болеть за себя, а не за скот» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 451, л. 155]. Конфискации имущества и выселение баев сопровождались множеством комментариев со стороны казахов, что «Советская власть уничтожает и грабит баев».

Выселение баев в Казахстане прошло в два этапа — осенью 1928 и осенью 1930 годов. Всего было арестовано 5—6 тыс. человек, и еще выслано 6,8 тыс. семей, численностью около 35 тыс. человек. Арестованных баев обычно отправляли в лагеря в Сибирь, а высланных разместили в пределах республики. В сводках ОГПУ достаточно свидетельств, что население аулов на общих собраниях достаточно активно высказывалось в защиту своих баев, констатируя их безвредность, доброту и помощь. Ратовали за баев не только простые граждане аула, но и представители власти, выдвигая в качестве аргумента факт, что «в районе нет крупных баев» [Там же, л. 81]. Отдельные баи получали одобрительные характеристики, подписанные населением аула и заверенные аулсоветом, бывали случаи, когда баям нанимали адвоката и через своего человека в РИКе пытались добиться их исключения из списков. Непосредственно в ходе конфискации и выселения баи часто лично обращались за поддержкой к населению, напоминая собравшимся о том, что они не были эксплуататорами ни при прежней власти, ни при новой власти, всегда шли на уступки, оказывали помощь, совершали хадж [ЦДНИ ВКО, ф. 3, оп. 1, св. 2, д. 22, л. 23]. Массовым видом протеста были попытки «отбить бая», но часто местных оказывалось существенно меньше, чем прибывших из других районов, которые были настроены более радикально. Конфискации и выселение, безусловно, усилили родовую вражду. Если выселение все-таки происходило, то аульное население старалось оказать баю поддержку, передавая лошадей, скот, продукты, ценное имущество и деньги. Сочувствие и поддержка баев имела массовый характер, даже в местах ссылки.

3.3. Колхозы — новое крепостничество

Общесоюзные обзоры ОГПУ повсеместно фиксировали высказывания о том, что «крестьяне из царского крепостничества перешли в советское...



вместо буржуев появились коммунисты» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 447, л. 74]. Коллективизация породила в стране гигантскую волну страхов и слухов, которые стали частью крестьянского протеста. Коллективизация в Казахстане стала практическим инструментом перевода кочевников на оседлость. Именно седентаризация как способ насильственного перевода на оседлость была положена в основу советского модернизационного проекта для кочевников. Хотя у казахов ментально шло сближение оседлости и кочевничества, силовые методы в отношении скотоводов-кочевников и полукочевников нанесли сильнейший удар по традиционной экономике и обществу. Пик седентаризации пришелся на 1930—1933 годы, когда почти полмиллиона казахских хозяйств были переведены на оседлость.

Коллективизация стартовала в Казахстане в 1928 году, до этого года в республике не было казахских колхозов [АП РК, ф. 141, оп. 1, д. 2850, л. 158]. За 1928 год коллективизировали только 2 % всех хозяйств, к апрелю 1930 года — уже более 50 %, а к октябрю 1931 года — около 65 %. К 1935 году процент коллективизации превысил 90 % [Абылхожин, 1991, с. 57]. Пик коллективизации относится к 1929 — весне 1932 года. В погоне за высоким процентом коллективизации и в казахском ауле, и в русской деревне население, судя по всему, оставалось с дезорганизованным единоличным хозяйством и «бумажным колхозом». Казахские колхозы создавались на месте сезонных мелких аулов и аулов-зимовок (аул-кстау), служивших отправным и конечным пунктом кочевания. В период кочевок аул-кстау обычно распадался, так как входящие в его состав хозяйства имели различные радиусы кочевания. С одной стороны, власть пыталась собрать кочевых и полукочевых казахов в «колхозный аул», с другой — предпринимала попытки искоренить родовую аристократию и родовые отношения. Авторитет кочевой элиты, сумевшей сохранить и при Советах значительную полноту власти на местах, позволял аулу долго противостоять советизации и даже приспособиться к колхозной жизни. Кочевая и полукочевая элита в целом противилась оседланию казахов и агитировала против создания стационарных поселений-аулов, апеллируя и к экономической целесообразности, и к традиции. Традиционная обрядность в сочетании с агитацией позволяла элите сохранять рычаги воздействия на население. Одним из способов получения информации о событиях в казахской степи в условиях больших расстояний между аулами служили местные социальные связи, именуемые *узун кулак*, что дословно звучит как «длинное ухо». Специфика функционирования «узун кулак» и формируемая в границах такого рода коммуникации информация свидетельствуют о том, что ведущую роль здесь играли родовые авторитеты, в том числе потому, что рядовые кочевники не владели русским языком. Перегибы в политике в купе

с манипуляцией сознанием и настроениями кочевников усиливали страхи и порождали самые разнообразные слухи.

Коллективная форма хозяйствования и коллективная собственность вызывали сомнения у кочевников, заявлявших что при советской власти «... жить нельзя...», что приобретаешь при советской власти, «...все равно не твое, нам живется хуже, чем при царизме» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 325, л. 13]. От будущего не ждали ничего хорошего: «Советская власть организовала колхозы и население загнала в колхозы» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 917, л. 83]; «сколько бы колхозники не работали — сыты не будут..., это как ждать, когда у верблюда вырастет до земли хвост...» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 203, л. 10]. Казахский аул, как и русская деревня, полагали, что советская власть «...над крестьянами издевается...»; их «...гнут, принуждают непосильными работами, ... аул и деревня работают на рабочих, на служащих и на городскую интеллигенцию, ...как говорят старики, что они раньше работали на барина, так и сейчас такая самая барщина, труд наш не считается, не ценится, т. е. ценится очень дешево...» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 325, л. 40]. Казахи не знали крепостничества, но и среди них циркулировали слухи о том, что колхозников клеймят «печатью антихриста»: «будут ставить на руках клеймо». Казахи охотно верили в то, что «колхозников клеймят», потому что практиковали клеймение колхозного скота.

В среде кочевников панику порождали слухи об аморальности жизни колхозников, посягательствах на семейные традиции, что будто бы в колхозе будут обобществлены дети и жены: «детей отберут от родителей»; «детей до двухлетнего возраста законтракуют...» [АП РК, ф. 141, оп. 1, д. 5056, л. 45]; «кто перейдет на оседлую жизнь у того отберут жену» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 433, л. 45]; «жены в колхозах будут ходить с голыми грудями...»; «женщины будут использоваться мужчинами по жребию» [СГА КНБ РК, ф. 1к, оп. 1, д. 243, л. 9].

3.4. «Настанет ли период мусульманского царствования?»

Одним из базовых следует считать бытовавшее в массовом сознании представление о том, что «советская власть заинтересована в уничтожении мусульманства» [Там же, д. 435, л. 15]. Гонения на ислам воспринимались населением как наихудшая сторона новой власти. Среди населения ходили слухи о скором «кямате» (конце света), но при этом они сопровождались уверенностью в утверждении мусульманского царства справедливости («настанет период мусульманского царствования, а большевики понесут тяжелое наказание»). Для доказательства прихода царства справедливости фиксировались попытки опереться на исторические аналогии: это власть, которая «не живет с народом дружно и вместе», она «отошла от правды...» [Там же, д. 326, л. 51]. Другими словами, мир виделся только в черно-бе-



лых тонах. Бытовала убежденность в том, что советская власть — испытание для верующих: «Бог послал на нашу голову такое бедствие», «кара Бога на народ».

Религиозное рвение считалось одним из способов спасения. Говорилось, что «мусульманам нужно задуматься. Когда наступит киямат, каждый ответит за свои грехи», поэтому «необходимо с большим усердием посещать мечети и веровать в бога». Только богобоязненный мусульманин имеет шанс спастись. Бытовало убеждение, что «лишенные голоса при советской власти являются самыми лучшими людьми и на том свете не будут грешниками», «только тот, кто не запишется в колхоз, будет спасен», а кто, напротив, согласится, «тот чертям душу отдаст» [Там же, д. 326, л. 51].

Ожидаемо большое распространение получили различного рода пророчества, упоминания о чудесах и вещих снах. Многие были уверены, что «перед концом мира на земле появятся различные чудеса, народ не будет соблюдать правила почитания, никто никому не будет помогать, и каждый будет думать только о себе. Власть будет злая и под разными предложениями будет отбирать у населения все» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 451, л. 135]. Советская власть в этом случае чаще всего ассоциировалась с властью антихриста (Даджаля). При этом существовала вера в приход спасителя, посланника от Бога. Так, в одном из аулов Тюлькубасской волости Чимкентского района ходил слух, что в «...горах обнаружена пещера с каменной дверью, откуда должен выйти имам Магды, посланный богом для спасения байства» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 451, л. 135]. Одним из распространенных мотивов вещих снов был сюжет о белом и красном быках, где белый побеждал красного, что означало возрождение старой власти [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 3765, л. 4].

Основная масса слухов о вещих снах распространялась муллами. Мусульманство переходило на нелегальный формат религиозной обрядности, практиковались тайные молебны и собрания в аулах. Все рассказанное муллами обрастало новыми деталями за пределами юрты, вызывая панику и страх в казахской степи. В отличие от русской деревни, где были листовки, прокламации, письменные угрозы, устное народное творчество в виде частушек, казахский аул насыщался слухами. Фантастическое содержание воспринималось как свершившееся или ожидаемое событие.

И в христианской, и в мусульманской трактовках карой за безбожие и вступление в колхоз объяснялись природные ненастья, грозящие голодом и смертью [Петрова, 2018, с. 129]. Казахи боялись не только джутов, но и падежа скота от болезни. По этому поводу муллы распространяли слухи, что причиной падежа овец является болезнь «Иш-жаргыш», которая якобы была и раньше, но реже и которая неизлечима, так как послана от бога



в наказание за то, что он не благословил организацию колхозов и хочет их разрушить. Используя религиозные предрассудки, они запугивали население, говоря, что те, кто попытается следить за своими баранами ночью, сам заболеет этой болезнью и окажется со вскрытым животом, как противник «божьей воли» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 481, л. 71].

Наступление плохих времен иногда связывалось не только с большевистской властью, но и с Россией: «Скоро должна прийти кончина мира, замечается засилье русских и угнетение последними казаков¹» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 552, л. 434—435]. Мифологизированный и во многом негативный образ России проявился в религиозном литературном течении «Зар-заман» («Эпоха скорби»), возникшем в XIX веке и получившем широкую популярность в среде казахов-кочевников. Его появление стало реакцией на колониализм и упадок кочевой культуры казахов. Один из ключевых мотивов авторов: золотой век номадизма ушел, и на его место пришли унижение, горе и плач. В сводках ОГПУ также довольно часто можно встретить исламский термин *кафир*, что обозначает «неверный», который был весьма распространенным эпитетом для русских. Приведем одну из листовок-воззваний периода коллективизации: «Всему верующему населению Ислама!... Уважаемые братья, всем из вас известно, что путь Ислама и его обязательный закон — шариат на каждом шагу, в каждой минуте ослабляется — даже постепенно уничтожается. Теперь же наступила пора защищать религию, встать за нее головой потому, что ... стало невозможно существовать на свете лицам, исповедующим Ислам, их угнетают, все имущество, скот отбирают (конфискуют), нас самих разорив, отрывают от семейств, выселяют, своих жен заставляют насильно не верить Исламу, кроме того, мусульманская кровь начинает сливаться с кровью кафиров» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 552, л. 434—435]. «Засилье кафиров» трактовалось как признак близкого конца света — «Акыр заман», который приближала политика царизма, а потом — советской власти. Усиление страданий народа — это один из признаков конца света. Звучали и откровенные призывы бороться за веру, некоторые листовки призывали под лозунгом газавата («священной войны») бороться с коммунистами и помогать «гази». «Всему населению и братьям!... Призываем вас в качестве сергера — военначальника — помочь в деле религии головами... Боритесь за религию головой за газават — за священную войну — ибо впоследствии окажетесь правоверными, на том свете (Ахырсте) будете спокойны и обеспечены хорошими местами каждый из вас или же словом или состоянием, скотом или же собственной силой, должны помочь в деле уничтожения, превра-

1 До 1936 года использовалось наименование Казакская АССР и этноним, соответственно, казак.



щения существующей бедноты в светлое солнце, ибо в этом залог нашего благополучия в двух мирах и бог в этом поможет. Среди Вас есть люди, которые могли бы собой пожертвовать как бабочки за религию. Ввиду того, что нет времени, мы не смогли перечислить имена всех, почему возлагаю эту работу на Ваши влиятельные авторитетные лица — их назначаем руководителями. Соберите все имеющееся у вас оружие и припас к нему и другое оружие и высылайте нам. У Вас имеется казенный скот, соберите его и дайте последний нам... Это требуется для нужды и пищи войска. Не допускайте присвоение другим скота тех людей, которые пошли на “газават”» [Там же, д. 475, л. 189]. Несмотря на призывы бороться за веру, газават у казахов не стал идеологией сопротивления, хотя апокалиптические установки усиливали сопротивление. В 1929—1931 годах на территории Казахстана прошло 397 массовых выступлений, в том числе 25 вооруженных, в которых участвовало около 80 тыс. человек [Алланиязов, 2009, с. 5].

3.5. Уход в Китай как форма сопротивления

Уже с 1927—1928 годов разговоры о скорой войне и росте налогов на кочевников сопровождались призывами «уйти в Китай». Отметим, что приграничные с Синьцзяном территории представляли собой контактные зоны, чему способствовали кочевые практики и часто этническая принадлежность местного населения. Российская аграрная колонизация Туркестана и Степного края способствовала формированию устойчивого эмиграционного тренда, который усиливался в периоды джутов, восстаний и иных кризисных ситуаций. В приграничных Алтайском, Илийском и Тарбагатайском округах Синьцзяна сформировалась крупная казахская диаспора, численность которой накануне Первой мировой войны составляла почти 250 тыс. человек. Следствием восстания 1916 года стала откочевка на сопредельную территорию еще не менее 100 тысяч казахов, треть из которых в первой половине 1920-х годов вернулись на родину. Рост эмиграции казахов в Западный Китай усилился с 1929 года, а ее пик относится к началу 1930-х годов. Причинами эмиграции стали коллективизация и голод. Близость границы способствовала формированию в приграничье Синьцзяна и русских поселенческих анклавов. В начале 1930-х годов приток мигрантов дополнительно вырос за счет бежавших со спецпоселения крестьян, высланных в Казахстан из Центральной России и Сибири.

Решение «уйти в Китай», как правило, было обусловлено желанием «переждать» нестабильные времена и даже возможную войну против Советов, а также тем, что «в Китае нет советской власти» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 2, д. 648, л. 18].

Одновременно с этим усиление советского влияния в Синьцзяне не могло не сказываться на положении эмигрантов. С одной стороны, боль-



шевики широко использовали трансграничные этнические связи для распространения советского влияния за границей. Иностраннный отдел ОГПУ и Коминтерн имели свою резидентуру в Синьцзяне. На территории Синьцзяна ОГПУ организовало несколько операций с целью физической ликвидации бандформирований и их лидеров, практиковались аресты и высылки в СССР. С другой — советское правительство поддерживало китайские власти в борьбе с повстанчеством. Казахи-откочевщики и русские белоэмигранты, таким образом, также оказались втянуты в данный конфликт.

Власти всегда внимательно отслеживали рост миграционных настроений. В первую очередь разъясняясь «вред перехода в Китай как для советской власти, так и “трудящихся казахов”» [ЦДНИ ВКО, ф. п-3, оп. 1, д. 25, л. 23—24]. Одновременно предпринимались усилия для полной ликвидации нелегальной эмиграции при сохранении организованной репатриации беженцев. Репатриантам власти обещали полную амнистию и экономические преференции. Чтобы ограничить откочевки казахов на сопредельную территорию, использовались пропагандистские, экономические и репрессивные меры. Речь идет, в частности, об ужесточении пограничного режима, конфискации скота перебежчиков и арестах. В приграничье широкое распространение получили массовые высылки «неблагонадежных» вглубь страны с целью снижения эмиграционной активности населения. Первые выселения баев из приграничья Семипалатинской и Алма-Атинской областей провели осенью 1928, затем в 1930 году. На местах говорили, что «у населения отберут весь скот, а потом будут выселять со своих мест» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 169]. Более того, шли разговоры о том, что «скоро советская власть из Бахтов (пограничный пункт. — *Н. А., А. Ж., Е. С.*) будет выселять всех жителей и колхозников, останутся там только военные части, это будет сделано потому, что если начнется война, то колхозники пойдут против советской власти, поэтому их заранее хотят выселить из погранполосы...» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 2721, л. 7].

Причины откочевок казахов в Китай ОГПУ довольно часто иллюстрировало примерами разговоров среди населения. По мнению органов, агитация в пользу эмиграции основывалась на неприятии проводимой политики. В документах приводятся следующие типичные высказывания: «Укочевка за границу — единственное спасение от советской власти»; «налог вам взять не удастся», «хлебозаготовки, самообложение, займы и др. кампании не дают житья», «совласть начала всех баев грабить», «власть хочет окончательно разорить население» [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 168]. В качестве конкретных причин откочевок казахов погранслужбы указывали завышенные иногда втрое налоги от реального поголовья скота, отсутствие выплат за уже сданный государству скот и хлеб [Там же]. Зача-

скую решения принимались быстро: «Все мы включены в кулацко-байские хозяйства, завтра всех вызовут в аулсовет, самих арестуют, имущество и скот будут конфисковать, поэтому, не оставаясь до завтра, нужно укочевать в Китай» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 131, л. 110]. На масштабы беженства влияла и боязнь преследований со стороны советской власти за участие в повстанчестве. Начавшаяся вскоре коллективизация сделала эмиграцию не просто массовой, а лавинообразной. С мест снимались целыми аулами. Нередко откочевкой руководили председатели колхозов и местные советские активисты [СГА КНБ РК, ф. 9, оп. 1, д. 499, л. 113—116]. Массовый характер откочевки за границу приняли весной 1930 года, а своего пика достигли в конце 1930 года — первой половине 1931 года, когда почти вся территория Казахской республики была поражена голодом. Общие потери населения от нелегальной эмиграции республиканские власти оценивали в 83 тыс. хозяйств [АП РК, ф. 719, оп. 4, д. 84, л. 6]. Возвратная миграция обозначилась только к середине 1930-х годов.

Казахи уповали на помощь в обустройстве в Китае на видных деятелей из числа сторонников движения «Алаш», которые эмигрировали ранее. Многие были уверены, что «всем беженцам от советской власти в Китае отводят землю, Адилев¹ и Марсеков² договариваются с китайской властью» [СГА ДП ВКО, ф. 19, оп. 1, д. 5044, л. 115]. Авторитет алашординцев, как сотрудничавших с новой властью, так и оказавшихся в оппозиции, в среде казахов продолжал быть высоким.

Коллективизация возродила у казахов идею-миф о поиске счастливой земли. По сути, в этот период именно китайский Алтай для казахов стал олицетворять счастливую и благополучную землю, где народ не будет испытывать страха и лишений: «Жизнь в Китае хорошая, но туда надо кочевать со всем скотом» [Там же, оп. 2, д. 4164, л. 43]. Концепты «золотого века» и «земли обетованной» для казахов отражали такую социальную модель общества, где кочевник будет чувствовать себя свободным. ОГПУ отмечало «огромное влияние... агитации из-за границы через родственные связи бежавших ранее в Китай. Через этих лиц широко распространяются слухи о хорошей свободной жизни в Китае, где нет бедных, все богатые, что там много хлеба и мануфактуры, налоги незначительны, а китайское правительство оказывает эмигрантам содействие в получении

1 Адилев Ике (1881—1938), сторонник движения Алаш, боролся против политики Советской власти, казахский бай. В 1928 году участвовал в вооруженных выступлениях против конфискации. В 1938 году арестован в Китае и в том же году расстрелян в г. Семипалатинске.

2 Марсеков Раимжан Марсекович (1877—1937), один из лидеров партии «Алаш». В 1922 году эмигрировал в Китай, на территории которого преследовался за участие в национально-освободительном движении казахов.



земли вплоть до выделения эмигрантов в самостоятельную волость» [АП РК, ф. 141, оп. 1, д. 4572, л. 70—71]. На практике выделение национальных казахских территорий в Китае произошло только спустя два десятилетия.

4. Заключение = Conclusions

Особенностью слухов рубежа 1920—1930-х годов является беспрецедентно широкий ареал их распространения. Анализ слухов, циркулировавших в среде казахов-кочевников, подтвердил высказанный Л. Виолой тезис об их универалистском характере, при наличии этнической и религиозной специфики. Слухи периода коллективизации воспроизводили базовые мифологические модели, логика которых развивалась от идеализации прошлого к полному «тягот и лишений» настоящему и ожиданию будущего, полного бедствий и страданий. В слухах, циркулирующих в среде казахов-кочевников, в первую очередь актуализировались мифологемы «золотого века» и «грядущего конца света». Черное будущее казахи ассоциировали в первую очередь с голодом. Распространителями слухов у казахов были исключительно мужчины, имевшие авторитет и статус, в первую очередь религиозные деятели и родоуправители-баи. Хотя власть и попыталась за счет пропаганды и репрессий локализовать источник слухов, но у аульного населения по отношению к религиозным и родовым авторитетам уровень доверия продолжал оставаться высоким. В казахском ауле наряду с устными существовали и письменные практики распространения слухов.

Ускоренная советизация породила высокий уровень тревоги в казахском обществе, что нашло отражение в подъеме апокалиптических настроений. Идея киямата выступила, по сути, формой глубинного протеста аула, при этом газават у казахов не был идеологией сопротивления. Формой активного сопротивления в республике стали массовые откочевки в Китай, что было обусловлено желанием «переждать» нестабильные времена, поэтому слухи об эмиграции широко циркулировали в казахском социуме. Они были не чем иным, как альтернативным взглядом на советскую действительность, тормозя разрушение аула как сельской общины и обеспечивая устойчивость традиционного общества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Один из соавторов, Жанбосинова Альбина Советовна, является членом редакционного совета журнала «Научный диалог».

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.
One of the co-authors, Albina S. Zhanbosinova, is a member of the editorial board of the *Nauchnyi Dialog* journal.

Источники и принятые сокращения

1. АП РК — *Архив* президента Республики Казахстан. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5056. Л. 45 ; Ф. 719. Оп. 4. Д. 84. Л. 6.
2. СГА ДП ВКО — *Специальный* государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 131. Л. 110. ; Д. 917. Л. 83. ; Д. 2721. Л. 7. ; Д. 5044. Л. 115 ; Ф. 19. Оп. 2. Д. 648. Л. 18. ; Д. 3765. Л. 4. ; Д. 4164. Л. 43.
3. СГА ДП г. Алматы — *Специальный* государственный архив Департамента полиции г. Алматы. Ф. 5. Оп. 1. Д. 436. Л. 39.
4. СГА КНБ РК — *Специальный* государственный архив Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 195. Л. 13. ; Д. 200. Л. 37. ; Д. 203. Л. 10. ; Д. 236. Л. 17—18. ; Д. 325. Л. 13. ; Д. 326. Л. 13, 51. ; Д. 430. Л. 40. ; Д. 433. Л. 41. ; Д. 434. Л. 46. ; Д. 435. Л. 15. ; Д. 436. Л. 39, 40. ; Д. 437. Л. 37 ; Ф. 9. Оп. 1. Д. 257. Л. 68. ; Д. 324. Л. 31, 53—55. ; Д. 325. Л. 40. ; Д. 428. Л. 5. ; Д. 433. Л. 45. ; Д. 443. Л. 23. ; Д. 447. Л. 74. ; Д. 450. Л. 35, 43. ; Д. 451. Л. 7, 19—20, 81, 135, 155. ; Д. 463. Л. 215. ; Д. 473. Л. 6—7, 11. ; Д. 475. Л. 189. ; Д. 481. Л. 71. ; Д. 499. Л. 113—116, 164, 168—169. ; Д. 503. Л. 169. ; Д. 552. Л. 434—435.
5. ЦГА РК — *Центральный* Государственный архив Республики Казахстан. Ф. 5с. Оп. 20реч. Д. 87. Л. 176—177.
6. ЦДНИ ВКО — *Центр* документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. Ф. П-33. Оп. 1. Св. 2. Д. 22. Л. 23. ; Д. 25. Л. 23—24.

Литература

1. *Абылхожин Ж. Б.* Традиционная структура Казахстана : социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920—1930 гг.) / Ж. Б. Абылхожин. — Алма-Ата : Гылым, 1991. — 240 с. — ISBN 5628008974.
2. *Алланиязов Т. К.* Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929—1931 годы) / Т. К. Алланиязов, А. С. Таукенов. — Алматы : OST — XXI век, 2009. — 424 с. — ISBN 9965-659-77-X.
3. *Гайлит О. А.* Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков / О. А. Гайлит // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2018. — № 4 (20). — С. 45—52. — DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.45-52.
4. *Дахшлейгер Г. Ф.* История крестьянства Советского Казахстана / Г. Ф. Дахшлейгер, К. Н. Нурпеисов. — Алма-Ата : Наука, 1985. — 247 с.
5. *Лившин А. Я.* «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе / А. Я. Лившин // Государственное управление. Электронный вестник. — 2015. — Выпуск 50. — С. 190—206.
6. *Объединенный* пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. : документы и материалы : в 2 кн. / Кудрявцев И. И. (сост.). — Москва : Политэнциклопедия, 2020. — Книга 1. — 615 с. — ISBN 978-5-8243-2350-4.
7. *Огайон И.* Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928—1945 гг.) / И. Огайон ; пер. с фр. А. Т. Ракишева ; сост. Б. М. Сужиков. — Алматы : Санат, 2009. — 365 с. — ISBN 9965-664-81-1.
8. *Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия : социально-экономические и социокультурные аспекты* / Ж. Б. Абылхожин,



Н. А. Алимбай, Л. Р. Турганбаева, Г. У. Орынбаева, А. К. Жумадил. — Алматы : LEM, 2022. — 455 с. — ISBN 978-601-7342-74-6.

9. *Петрова Н. С.* Коллективизация в слухах и толках конца 1920—1930-х гг. / Н. С. Петрова // Традиционная культура (научный альманах). — 2018. — Т. 19. — № 3. — С. 126—137.

10. “*Совершенно секретно*” : Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : 10-ти т. / ИРИ РАН ; Центр.архив ФСБ РФ ; ред.совет : Г. Н. Севостьянов, А. Н. Сахаров, Я. Ф. Погоний [и др.]. — Москва : ИРИ РАН, 2001—2008. — ISBN 5-8055-0069-8.

11. *Слухи в России XIX—XX.* Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : сборник статей. — Челябинск : Каменный пояс, 2011. — 362 с. — ISBN 978-5-88711-087-7.

12. *Слухи как специфический историко-психологический источник* : материалы XXVIII международной науч. конф. (Санкт-Петербург, 13—14 декабря 2010 г.) / под ред. С. Н. Полторака. — Санкт-Петербург : Полторак, 2010. — 216 с. — ISBN 978-5-904819-19-4.

13. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939 гг.* Документы и материалы в 4-х т. / Под ред А. Береловича, В. Данилова. — Москва : РОССПЭН, 2003. — 1864 с. — ISBN 5-86004-184-5.

14. *Тепляков А. Г.* Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917—1941 гг.) : историографические и источниковедческие аспекты / А. Г. Тепляков. — Новосибирск : НГУЭУ, 2018. — 434 с. — ISBN 978-5-7014-0858-4.

15. *Тепляков А. С.* Учетно-осведомительные отделы Полпредства ОГПУ Сибкрая в 1929—1930 гг. : дела и люди эпохи «Великого перелома» / А. С. Тепляков // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 4. — С. 52—55.

16. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.* Документы и материалы. — Москва : РОССПЭН, 2000. — Т. 3. — 1008 с. — ISBN 5-8243-0225-1.

17. *Cameron S.* The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan / S. Cameron. — Cornell University Press, 2018. — 277 p. — ISBN 978-1501730436.

18. *Kindler R.* Stalin’s nomads in Kazakhstan : power and hunger in Kazakhstan / R. Kindler. — Moscow : Political Encyclopedia, 2014. — 328 p. — ISBN 978-0822965435.

19. *Ohayon I.* The Kazakh Famine : The Beginnings of Sedentarization [Electronic resource] / I. Ohayon // Mass Violence & Résistance, [online], published on : 28 September 2013. — Access mode : <http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization> (accessed 23.07.2023).

20. *Payne M. J.* Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928—1934 / M. J. Payne // Writing the Stalin Era. — 2011. — Pp. 59—86. — DOI: https://doi.org/10.1057/9780230116429_5.

21. *Pianciola N.* Famine in the steppe / N. Pianciola // Cahiers du monde russe [Online]. — 2004. — V. 45. — № 1—2. — Pp. 137—192. — DOI: [org/10.4000/monderusse.8681](https://doi.org/10.4000/monderusse.8681).

*Статья поступила в редакцию 06.08.2023,
одобрена после рецензирования 12.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.*



Material resources

- AP RK — *Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. F. 141; F. 719.* (In Russ.). Central Research Institute of East Kazakhstan Region — *Documentation Center of the modern history of the East Kazakhstan region. F. P-33.* (In Russ.).
- CSA RK — *Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. F. 5c.* (In Russ.).
- SGA DP Almaty — *Special State Archive of the Almaty Police Department. F. 5.* (In Russ.).
- SGA DP East Kazakhstan Region — *Special State Archive of the Police Department of East Kazakhstan. F. 19. Op. 1., Op. 2.* (In Russ.).
- SGA KNB RK — *Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan. F. 1k.; F. 9* (In Russ.).

References

- Abylkhozhin, Zh. B. (1991). *The traditional structure of Kazakhstan: socio-economic aspects of functioning and transformation (1920—1930)*. Alma-Ata: Gylym. 240 p. ISBN 5628008974. (In Russ.).
- Allaniyazov, T. K., Taukenov, A. S. (2009). *The last frontier of the defenders of nomadism. The history of armed demonstrations and insurgent movements in Kazakhstan (1929—1931)*. Almaty: OST — XXI century. 424 p. ISBN 9965-659-77-X. (In Russ.).
- Cameron, S. (2018). *The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Cornell University Press. 277 p. ISBN 978-1501730436.
- Dahshleiger, G. F., Nurpeisov, K. N. (1985). *The History of the peasantry of Soviet Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka. 247 p. (In Russ.).
- Essays on the history of the traditional structure of the Kazakhs in the first Soviet decades: socio-economic and socio-cultural aspects.* (2022). Almaty: LEM. 455 p. ISBN 978-601-7342-74-6. (In Russ.).
- Gailit, O. A. (2018). Research possibilities of rumors and problems of their study in the works of modern historians. *Bulletin of Omsk University. The series "historical sciences"*, 4 (20): 45—52. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.45-52. (In Russ.).
- Joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b). July 29—August 9, 1927: documents and materials: in 2 books, 1.* (2020). Moscow: Politencyclopedia. 615 p. ISBN 978-5-8243-2350-4. (In Russ.).
- Kindler, R. (2014). *Stalin's nomads in Kazakhstan: power and hunger in Kazakhstan*. Moscow: Political Encyclopedia. 328 p. ISBN 978-0822965435.
- Livshin, A. Ya. (2015). "Military alarm" of 1927 and public sentiment in the Soviet Union. *State Administration. Electronic bulletin*, 50: 190—206. (In Russ.).
- Ogayon, I. (2009). *Sedentarization of Kazakhs of the USSR under Stalin. Collectivization and social changes (1928—1945)*. Almaty: Sanat. 365 p. ISBN 9965-664-81-1. (In Russ.).
- Ohayon, I. (2013). The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization. In: *Mass Violence & Résistance, [online], published on: 28 September*. Available at: <http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization> (accessed 23.07.2023).
- Payne, M. J. (2011). Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928—1934. *Writing the Stalin Era*. 59—86. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230116429_5.
- Petrova, N. S. (2018). Collectivization in rumors and rumors of the late 1920s—1930s. *Traditional culture (scientific almanac)*, 19 (3): 126—137. (In Russ.).



- Pianciola, N. (2004). Famine in the steppe. *Cahiers du monde russe [Online]*, 45 (1—2): 137—192. DOI: org/10.4000/monderusse.8681.
- Rumors as a specific historical and psychological source: materials of the XXVIII International scientific conference. (St. Petersburg, December 13—14, 2010).* (2010). St. Petersburg: Poltorak. 216 p. ISBN 978-5-904819-19-4. (In Russ.).
- Rumors in Russia XIX—XX. Informal communication and the “sharp turns” of Russian history: a collection of articles.* (2011). Chelyabinsk: Stone Belt. 362 p. ISBN 978-5-88711-087-7. (In Russ.).
- Teplyakov, A. G. (2018). *Activity of the organs of the Cheka—GPU—OGPU—NKVD (1917—1941): historiographical and source aspects.* Novosibirsk: NGUEU. 434 p. ISBN 978-5-7014-0858-4. (In Russ.).
- Teplyakov, A. S. (2010). Accounting and information departments of the Mission of the OGPU Sibkrai in 1929—1930: deeds and people of the era of the “Great Turning Point”. *Humanities in Siberia*, 4: 52—55. (In Russ.).
- The Soviet village through the eyes of the CHEKA—OGPU—NKVD. 1918—1939. Documents and materials in 4 volumes.* (2003). Moscow: ROSSPEN. 1864 p. ISBN 5-86004-184-5. (In Russ.).
- The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials*, 3. (2000). Moscow: ROSSPEN. 1008 p. ISBN 5-8243-0225-1. (In Russ.).
- “Top secret”: *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): 10 vols.* (2001—2008). Moscow: IRI RAS. ISBN 5-8055-0069-8. (In Russ.).

*The article was submitted 06.08.2023;
approved after reviewing 12.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.*